

Дмитрий Васильевич Григорович

Скучные люди

Дмитрий Васильевич Григорович

Скучные люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22119306

Аннотация

«Что такое скучный человек?... Нет вопроса, по-видимому, на который так легко было бы ответить, не правда ли? Я сам прежде так думал, теперь думаю иначе.

Верное, точное определение того, что вообще называют «скучный человек», встречает бесчисленное множество затруднений; решение такого вопроса, считаю я трудностью невероятную; мало того: считаю почти невозможным! Без всякого сомнения, многие с этим не согласятся...»

Содержание

I. Вступление	4
II. Весельчаки	12
III. Унылые	36

Дмитрий Григорович

Скучные люди

Физиологический очерк

І. Вступление

Что такое скучный человек?... Нет вопроса, по-видимому, на который так легко было бы ответить, не правда ли? Я сам прежде так думал, теперь думаю иначе.

Верное, точное определение того, что вообще называют «скучный человек», встречает бесчисленное множество затруднений; решение такого вопроса, считаю я трудностью невероятную; мало того: считаю почти невозможным! Без всякого сомнения, многие с этим не согласятся. «Вот хорошо! воскликнут они (и по большей части, поверьте, и я докажу это впоследствии, то будут люди страшно легкомысленные!): – вот хорошо! Помилуйте, мы тотчас же готовы насчитать вам, из числа наших знакомых, дюжину таких, которые представляют не только образчик, но идеал, тип, – совершеннейший тип скучных людей!..» Превосходно. Не спорю. Со своей стороны, я также готов выставить на ваше внимание дюжину, и даже более, моих знакомых, которые, ручаюсь головою, ничем не уступят вашим. Но действуя таким

образом, мы все-таки, смею сказать, ровно ничего не докажем. Именно так. Почему знать: люди, которых называете вы «скучными», покажутся мне, может быть, вовсе не такими? И наоборот: мои знакомые займут в вашем мнении место самых милых, любезных и занимательных особ...

То, что в одном возбуждает скуку, доходящую до нервного раздражения, другому доставляет веселость, располагает ко вниманию его нервы, служит источником сладчайших радостей и высочайших наслаждений.

Положим, вы специалист по какой-нибудь части (я ничего не знаю, я только предполагаю); вы избрали предметом историю давно перемешавшихся и исчезнувших племен; вы занимаетесь агрономией, астрономией, пчеловодством и проч., и проч. Положим, ваш покорнейший слуга ровнехонько ничего не смыслит в этих предметах, он круглый невежда в деле истории, агрономии, астрономии и проч.; но любит он, например, картины и посвящает время свое на изучение изящных искусств. Что ж мудреного, если оба мы не найдем большого наслаждения, беседуя друг с другом? Я буду скучнейшим человеком в глазах ваших; но с другой стороны, прошу и вас также, не брать за чистую монету моих улыбок и внимания: то и другое может служить прикрытием жесточайшей скуки, которую испытываю я, выслушивая повествования об исчезнувших племенах, небесных светилах и новейших способах разведения кормового гороха. Является между нами третье лицо; в глазах его, оба мы делаемся людьми очень за-

нимательными, каждый в своем роде, разумеется.

Теперь другое предположение: вы человек положительный, спокойный, установившийся. Вне тихого семейного круга нигде не находите удовольствий. Вы встречаетесь с человеком молодым, не успевшим еще остепениться, или таким, который уже по природе своей не слишком расположен к семейному очагу. Легко может статься, что каждый из вас, поговорив друг с другом, обратится к третьему лицу и, пожимая плечами, шепнет ему на ухо: «Фу, Боже мой, что это за скучный человек!» А между тем, оба вы, по приговору общего мнения, вовсе не заслуживаете такого названия.

Ясно следует из этого, как дважды два – четыре ясно, что в вопросе о скучных людях, необходимо принимать в соображение, не только способности, познания, и вообще, большую или меньшую степень умственной занимательности, но также характер, наклонности, стремления, вкусы, – словом, нравственную природу человека.

Возьмем пример. Г*** обогатил свой ум драгоценными познаниями; Г*** чудо, феникс учености. Но разве Г*** не может быть в то же время крайне раздражительным, желчным, завистливым, обидчивым, самолюбивым? Вы не просидите с ним десяти минут, несмотря на всю его ученость; он надоест вам хуже горькой редьки, как говорится. И наоборот: не только не чувствуете вы скуки и тягости, но охотно даже предлагаете комнату в вашей квартире или место в вашем экипаже на поездку в чужие края, круглому невеж-

де, но веселому, без претензий, уживчивому, исполненному скромности и терпимости.

Из всего сказанного нами, истекает сама собою следующая аксиома:

Один и тот же человек может быть весьма скучным для одного и в то же время очень занимательным для другого.

Пример:

Я знал господина, один вид которого производил на всех усыпляющее действие. При появлении его в гостиную (так все говорили и я ручаюсь за достоверность факта), свечи и лампы начинали тухнуть; дети принимались тереть глаза и склоняли голову на плечи нянек и родителей; взрослые вытягивали ноги, скрещивали руки на груди, старались приладиться в мягкие углы диванов; уныние, изображавшееся на лицах присутствующих, было по истине комично; словом, все засыпало; засыпала, казалось, неугомонная левретка¹ на коленях хозяйки дома.

И что же вы думали? В другом доме, находившемся даже недалеко от первого, этот опиумный господин (так звали его в первой гостиной), производил совершенно противоположное действие; лысина его имела свойство проливать самый яркий свет; при появлении его, один вид лысины пробуждал уже в сердцах присутствующих сладчайшее трепета-

---

¹ собака декоративной породы.

ние; самое молчание его находило восторженных истолкователей. Как теперь помню: он является, садится в кресло и, по обыкновению своему, погружается в молчание. Взоры присутствующих умиленно останавливаются на лысине; лица выражают благоговейное ожидание. Молчание продолжается довольно долго; никто не смеет прервать его. Внезапно, какой-то молодой человек вскакивает с места, обращается к присутствующим и, указывая на опиумного господина, восклицает с восторгом:

– Взгляните! взгляните... или вы не замечаете?.. Взгляните, какое цицероновское молчание!..

Итак, в одном доме, опиумный господин погружает всех в сон; в другом, самое молчание его вызывает восторженные рукоплескания. Откроет ли он рот, хоть бы даже для того чтобы чихнуть или кашлянуть, присутствующие нетерпеливо моргают глазами, толкают друг друга локтем и со всех сторон слышится уже шепот: – «Сейчас заговорит!.. сейчас говорить будет!..» Когда заговорит он, (и это совершенно все равно: скажет ли самую обыкновенную вещь или даже попросту ляпнет), – все переполняются неподдельным энтузиазмом, поднимаются с мест и со слезами на глазах кидаются жать ему руку.

Пример этот приведен здесь отчасти в доказательство, что на всем свете не сыскать существа, которые было бы так *безусловно относительно*, как скучный человек. Не угодно ли после того делать на его счет какие бы то ни было выводы и

определения; не угодно ли приискать ему существенную положительную форму! По моему мнению Б* орел; по вашему, тот же Б*, индюк; вы стоите за свои убеждения, я за свои; кто из нас прав, кто виноват? Нам могут верить и не верить. Вопрос остается нерешенным.

Напрасно станете вы приводить в подтверждение слов ваших наружные признаки, отличающие человека, которому делаете репутацию скучного. Начать с того, что скучные люди не отличаются никакими внешними знаками от других людей; одно из главных преимуществ скучных людей заключается в том именно, что они так же разительно похожи друг на друга, как и на остальных смертных. Наконец, вытянутая физиономия, унылый взгляд, вялая, сонливая речь, тоскливое выражение лица, опять таки ровно ничего не доказывают: у самого веселого, милого, занимательного человека встречаются минуты тоски и грусти; он делается тогда сам на себя не похожим. Он следовательно не скучен, а только скучает; это разница. Встречаются люди характера до такой степени впечатлительного, подвижного, переменчивого и неровного, что сегодня, например, они хорошо настроены: они веселы, любезны, занимательны, блестящи даже; завтра, они ни с того ни с сего хмурят лицо, смотрят на все и на всех потухшими глазами; слова от них не добьешься! Несправедливо было бы делать заключение о таком человеке, не зная его основательно. Вам посчастливилось встретить его в первый день, мне во второй; каждый из нас выводит о нем свое

мнение, и каждый ошибается по мнению друг друга.

Необходимо также взять в соображение такие оттенки:

Очень часто, не тот скучен, кто *кажется скучным*, но тот, *кому так кажется*. Называя человека скучным, сами мы можем носить в себе скуку, в которой обвиняем. Действуя таким образом, не часто ли также поступаем мы против собственных убеждений и даже совести? Вы сделали дурной поступок (опять предположение, разумеется); при этом был свидетель. Виноват ли он, скажите на милость, если в его обществе будете вы чувствовать невыносимую скуку? Человек сделал вам одолжение: дал вам займы денег, сшил вам в долг пальто, панталоны и проч.; виноват ли он в том, что наводит на вас скуку не только во время беседы, но даже при встречах на улице? – Ничуть не бывало! вы виноваты, вовсе не они.

Все эти размышления приводят нас к первым строкам, которыми начали мы наше исследование. Легко кажется убедиться теперь, как трудно сделать верное, точное определение скучному человеку.

Существуют конечно счастливые личности, которые рельефно выдаются из общего неопределенного тона; которых, все в один голос, целым обществом, признают за скучных: «Фу! Боже мой, что это за скучный человек!» – «Боже мой, что это за скучная дама!» скажет кто-нибудь, и все тотчас же единодушно соглашаются. Но опять-таки, даже и в этом случае, нет возможности уяснить типа! Господин, которого все

называют скучным, может быть женатым; его жена и множество родственников решительно собьют вас с толку: в глазах их он образец любезности и занимательности. Общее мнение встречает сильное опровержение и следовательно перестает быть общим; скучный человек остается, по-прежнему, существом относительным и дьявольски неуловимым. Один скучен по прошествии часа, третий, только на вторые сутки и т. д. Тот скучен от того, что много говорит и чересчур весел; другой потому, что слова от него не добьешься, и проч. и проч.

Как видите, все дело здесь в оттенках, тонких отношениях и почти неуловимых подробностях.

Вообще говоря, скучных людей (без различия полов) можно разделить на две главные категории: на *веселых* и *унылых*.

Начнем с первых.

II. Весельчаки

Веселость, конечно, отличное свойство, никто в этом не сомневается. При всем том, можно ручаться чем угодно, что поговорка: «Хорошего понемножку» вырвалась в первый раз (вырвалось даже с сердцем, я уверен) у человека, которому случилось провести целый день с весельчаком. Дело в том, что весельчаки, с которыми не скучно, почти так же редки, как белые вороны, черные тюльпаны, настоящие альбиносы и прочие исключительные явления природы.

Веселость, всегда готовая поддержать себя, постоянно забавная, разнообразная и занимательная, занимательная в прямом, настоящем смысле, разумеется, такая веселость заставляет предполагать в человеке ум, наблюдательность, изобразительность; все это представляет уже некоторым образом соединение природных дарований, и может только принадлежать человеку далеко не дюжинному; такие люди не попадаются сплошь и рядом.

Но даже и при таких счастливых условиях, роль весельчака очень трудная роль.

Что сказать, например, о господине, который постоянно смеется и никогда не останавливается? Начать с того, что такой господин ни в каком случае не может быть совершенно умным; не может он также иметь тех добрых качеств душевных качеств, которые извиняют недостаток умственных спо-

способностей; это ясно: чтобы постоянно сохранять веселость, нужно, прежде всего, быть довольным собою и своим положением (что показывает уже некоторую ограниченность природы); но что всего важнее, необходимо чувствовать глубокое равнодушие к положению ближних: все весельчаки страшные эгоисты; это факт. Иначе даже быть не может. Эгоизм без приправы ума и тонкого такта тотчас же бросается всем в глаза и действует на всех как-то оскорбительно; поэтому-то, вероятно, не было еще примера, чтобы весельчак пробуждал в ком-нибудь серьезное чувство, сердечное теплое сочувствие и внушал к себе уважение. Вообще говоря, роль весельчака незавидная роль.

Веселость принимает самые разнообразные характеры и является в бесчисленном множестве видов; нет возможности указать прямого ее источника. Особенный склад ума и самое отчаянное тупоумие порождают ее в равной степени; бывает она также *врожденная* и *прививная*, т. е. *естественная* и *натяннутая*.

Последний вид веселости чуть ли не самый скучный.

Г* смутно сознает свое ничтожество и жестоко им терзается; другой на его месте, при той же ограниченности ума, постарался бы примириться со своим положением; то Г* гложет червь самолюбия: он хочет блистать, хочет во что бы то ни стало быть заметным. Преследуя свою мысль, Г* прикидывается весельчаком; он напрягает последние силы своих способностей, чтобы превращать все в смех и смешное, рас-

сказывает анекдоты, острит, каламбурит; все это конечно выходит из рук вон плохо, потому что хорошо только то, что натурально. Но Г* постепенно втягивается в свою роль и действительно делается заметным: все знают его за скучнейшего человека, который когда-либо являлся на свете.

Между весельчаками, самые лучшие все-таки те, которые естественны; мнение это простирается даже на тех, у которых веселость проистекает чисто от глупости. К такому разряду принадлежат смертные, которые веселы без причины и смеются без всякого повода. Если хотите, это также веселость самодовольная, но зато преисполненная добродушия, вся сияющая от головы до ног, и главное, тоже безвредная. Мичман Петухов, о котором говорит лейтенант Жевакин в женитьбе Гоголя: «...был у нас мичман Петухов, Антон Иванович; тоже этак был веселого нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этак палец, вдруг засмеется, ей Богу! и до самого вечера все смеется!..» – мичман Петухов служит образцом в этом случае. Таких весельчаков принято называть: *блаженными*.

Вы идете по улице; внезапно слух ваш поражается хохотом, и вас называют по имени. Вы оборачиваете и видите в отдалении радостно блистающую физиономию господина, который заливается во всю мочь, машет вам руками и прибавляет шагу. Вы останавливаетесь, думая, что спешит он сообщить интересную новость. Подбежав к вам, сияющий господин надрывается сильнее прежнего; вы ждете, и наконец

спрашиваете: «Что с тобою? – Ах, дайте дух перевести! Ха, ха, ха!.. Ах Боже мой! Ха, ха!.. – „Но что же случилось?“ спрашиваете, вы, теряя терпение. – Ничего не случилось.... Ха, ха, ха... уф! насилу догнал тебя... Ха, ха... Летит себе как птица, как птица... (тут схватывает он себя за бока и прислоняется к фонарю, чтобы не упасть наземь); ты куда идешь?» заключает от, наконец, блуждая глазами, налившимися кровью от натуги.

Последний вопрос мгновенно объясняет дело: ни вы ему не нужны, ни он вам; вы просто встретили *блаженного*. Чтобы избавиться таких встреч, не советую бросаться в магазин или в ближайший переулок: если весельчак из числа самолюбивых, он никогда не простит вам такой проделки; вы нажили тогда врага, который постарается насолить вам. Что ж касается до блаженного, проделка ваша бесполезна: он ворвется в магазин и отыщет вас в переулке.

Вы спокойно сидите дома, беседуя с приятелями, или, просто, сидите потому, что гулять не хочется. Внезапно в кабинет врывается N* «Что ты здесь делаешь?» кричит он, смеясь в то же время лошадиным каким-то смехом: – «ну не грешно ли сидеть дома в такую погоду, а? не грешно ли, спрашиваю я?... Это выходит, просто, нелепость, именно: нелепость! Ха! ха! ха! Я нарочно пришел за тобою; одевайся!» – Я не хочу!.. говорите вы. – «Как не хочешь? что за вздор! Ну, одевайся же; полно врать; одевайся!..» – Ей Богу не хочу идти... – «Ну вот поди ж ты; толкуй с ним после

этого! Все это одна лень; и наконец у тебя геморрой, это всем известно, тебе даже вредно сидеть... Эй, Иван! Петр! Сидор! давайте барину пальто, шляпу, перчатки!..» – Повторяю тебе, я не хочу гулять... «Ты не шутишь?» – Нисколько! – «Господа! восклицает весельчак, обводя моргающими глазами присутствующих: – что его слушать! тащите его с дивана! Хватайте его... вот так! за ноги, за руки... нахлобучивайте ему шляпу!..» Вас начинают мять, тормошить, тискать; вы отбиваетесь изо всех сил, наконец, сердитесь. Весельчак также горячится; он орет во все горло, стучит по столу, называет вас рохлей, фетюком², лежебоком, устрицей; и тогда только успокоивается, когда видит, что дело не шутя может принять серьезный характер.

Впрочем, когда блаженный достигает такой смелости, он переходит уже в другой разряд; его называют тогда *веселым наглецом, малым с надежной внутренней опорой* или *малым без застенчивости*. Ноздрев был именно таким малым; всякому известно, что Ноздрев был господин также веселого нрава.

Узнав вас на улице, или, все равно, где бы то ни было, весельчак-наглец считает самую обыкновенную вещь подобраться к вам сзади, зажмурить вам глаза обеими ладонями и потребовать, чтобы вы непременно догадались, кто стоит за вашей спиной. Все ради той же шутки, он нахлобучивает вам шляпу на глаза, ни с того, ни с сего хлопает вас по

---

² недотепа, тюфяк (устар.).

животу, ставит вам подножки, отдергивает стул, на который вы готовитесь сесть, и т. д. Самые невинные из них те, которые говорят вам: *ты* после первого знакомства и величают вас *генералом, полковником и капитаном*, когда не думали вы даже служить в военной службе.

Вы воспитывались в публичном заведении; у вас было тогда множество товарищей; но этому прошло без малого двадцать лет, и вы позабыли большую часть из них. Неожиданно под самым вашим носом раздаётся дребезжащий хохот, тяжёлая ладонь шлепает вас по спине, и совсем незнакомый человек вскрикивает: «Ах ты, черт тебя возьми! совсем было не узнал!.. Ха! ха! ха!.. Эх каким чертом разнесло его!» – «Милостивый государь...» бормочете вы в недоумении. – «Как, разве ты не знаешь меня!.. Неужто? Врешь!.. Я, Желваков-то! Желваков! Петя Желваков! Ха, ха, ха!.. Неужто не помнишь!..» Вы вспоминаете, что, действительно, был с вами в школе какой-то Желваков, но и тогда ещё, помнится, не существовало между вами особенной дружбы. Вы тонко стараетесь внушить ему эту мысль; но Желваков ничего не слушает; он бьёт вас по плечу, вертит во все стороны, осыпает глупейшими вопросами, припоминает учителей, сторожа, нос начальника, словом, такие вещи, которые тогда ещё наводили на вас нестерпимую скуку.

К той же категории причисляются все роды *фарсёров*³, людей, которые внезапно останавливают вас и говорят:

---

³ тот, кто потешает других грубыми шутками, выходками (франц. *farceur*).

– Что с тобою?

– Ничего...

– Быть не может!..

– А что?...

– Помилуй, ты бледен, как полотно!.. Ты сам на себя не похож!

Вами овладевает беспокойство; но фарсёр сохраняет всю свою серьезность и продолжает уверять, что вы больны, что лицо ваше обращает на себя всеобщее внимание... Он доволен тогда только, когда лицо ваше, действительно, бледнеет от смущения и внутренней тревоги. Фарсёр умышленно толкает вас на улице, и говорит, прикидываясь раздраженным:

– Милостивый государь, нельзя ли быть осторожнее! Что это как вы толкаетесь!..

Или подходит к вам с озабоченным видом: – Вы не знаете новость?.. очень печальная новость...

– Что такое?

– Вы кажется хорошо знакомы с Б***?

– Да... А что, разве что случилось?

– Да; жена его умирает...

Вы бежите к Б***, спрашиваете; на вас смотрят, как на помешанного и не понимают, что вы хотите сказать. Жена Б*** не думает даже быть больною. И т. д.

К разряду наглецов принадлежат также лица, которые, не быв с вами знакомы, стараются заговаривать на гуляньях, в театре, в публичной карете. Тип фразы, с какой обыкновенно

подступают они, следующий:

– Извините, милостивый государь, но кажется я уже имел удовольствие *где-то* вас видеть?...

Затем, безостановочно следуют самые бесцеремонные расспросы о вашей службе, летах, состоянии, и проч. Вы едете в вагоне железной дороги; сосед спрашивает у вас огня; вы извиняетесь, говорите, что не взяли с собою спичек. При этом, в стороне раздается хриплый смех, высовывается лицо с нагло мигающими глазами и самодовольный голос произносит: «Как же вы, такой молодой человек, и у вас нет огня!..» Смело бейтесь об заклад, что это наглец первого разбора!

Несправедливо было бы, однако ж, называть таким именем всех незнакомых лиц, которые пристают и заговаривают. Возьмите в соображение, что душа невольно иногда настраивается к общительности; в таком расположении, самое робкое, скромное существо не утерпит, чтобы не взглянуть искоса на соседа и не сказать ему: «Ужас, как холодно... какой резкий ветер!..»

Такой господин может оказаться иногда очень приятным собеседником.

Совсем иное дело лица, у которых общительность является главною, постоянною потребностью, которыми, при виде незнакомого человека, тотчас же овладевает беспокойство и мучительное, неодолимое желание вступить в объяснение, войти в дружбу и раскрыть свои мысли и чувства.

Сообщительность, достигающая степени зуда и чесотки, принимает обыкновенно самую мягкую, нежную, любезную форму; особы, одержимые этим зудом, становятся тем скучнее и несноснее, чем больше высказывают любезности в обращении с вами. В семействе скучных людей, они известны под именем: *любезников*.

Хуже всего то в любезнике, что вы решительно против него обезоружены.

Вы терпите в его обществе невыносимую пытку, чувствуете, что ставит он вас поминутно в глупое, фальшивое положение, и, при всем том, никак не можете отвязаться! Есть ли возможность грубо обойтись с человеком, который так приветлив, внимателен, предупредителен и любезен!?...

Начинается с того обыкновенно, что куда бы вы ни обернулись, вы видите перед собою пару глаз, которые всюду следят за вами и мягко, нежно на вас устремляются; потом, глаза на мгновение переходят к вашему соседу и господин (обладатель глаз) просит с утонченнейшею деликатностию вашего соседа уступить ему свое место. Вы хотите поправить подушку, поднять раму, – незнакомец предупреждает малейшее ваше желание; после того, он начинает ласково мигать, вертится на месте, крутит головою и вдруг, с неописанною нежностью во взоре, к вам обращается:

– Извините меня, милостивый государь, говорит он, тая от умиления: – но вы, кажется, знакомы с Л*?...

– Да, знаком...

– Какие это милые люди... особенно она... не правда ли? ... впрочем, и он также!.. Очень, очень милые люди! (незнакомец при этом весь как-то изгибается) И давно вы с ними знакомы?

– Да...

– Я также.... удивительно, как мы с вами до сих пор там не встретились!.. Мы часто, очень, очень часто говорим об вас... мне всегда хотелось с вами встретиться... я давно искал случая... давно! давно!.. (тут голос незнакомца умягчается и услащается до степени меда). Я так много уже слышал о вас... Позвольте мне иметь честь вам представиться...

Незнакомец окончательно расплывается от восхищения; он жадно, хотя нежно, схватывает вашу руку и приступает к выгрузке своих чувств и мыслей.

Другой вариант:

После предварительного приступа, описанного выше, любезник начинает таким образом:

– Превосходнейшее время!.. Очень, очень хорошее время!.. Как приятно ехать в такую погоду... Нам, кажется, по дороге?...

– Я на Крестовский...

– А я в Новую деревню... Так верно на дачу?

– Да.

– Я также.... Нельзя, знаете: в городе душно, пыльно... к тому же: семейство!.. больше, знаете, для детей... вы также верно женаты?

– Нет.

– А я, так вот скоро уже десять лет женат; имею даже трех малюток: сын и две дочери... позвольте узнать, с кем имею честь?...

Вы называете фамилию, которая вовсе неизвестна; но любезнику она как будто знакома; она знал того-то, знал такую-то, носивших такое имя. Он выказывает душевное сожаление, что судьба, так сказать, лишает его счастья продолжать путь с таким милым, любезным, приятным соседом; но он надеется... надеется, что... гм! гм!.. и просит убедительно о продолжении знакомства.

И точно: с этой поездки, между ним и вами заключается какая-то неразрывная связь; где бы вы ни встретились, – он посылает вам приветливый поклон, осведомляется о вашем здоровье; и это продолжается целые годы, – иногда всю вашу жизнь, – разве вы перестанете кланяться; но на это вы не решитесь, потому что, за что же, наконец, отвечать грубостью на его учтивость и любезность?

Вот уже скоро десять лет, как один из наших литераторов раскланивается и жмет руку господину, которого не знает фамилии, не знает даже кто он и откуда. Ехал он раз в омнибусе на дачу; на коленях его лежал сверток бумаг. Рядом с ним помещается господин, который попадался ему раза два на улице, но о котором не имел он малейшего понятия. Едва тронулся омнибус, незнакомец умильно прищурил глаза, ласково провел ладонью по свертку, находившемуся

на коленях литератора, – и произнес вопросительно заискивающим голосом: – «литературное что-нибудь?...» Литератор сказал, что это чистая бумага, – думал отделаться; но незнакомец этим не удовольствовался; он наговорил литератору тысячу самых незаслуженных комплиментов, распространился во всеуслышание о трудах его; и с тех пор, всюду его преследует; осведомляется о том, что он пишет и скоро ли думает *подарить* читателей (страстных поклонников его таланта!) – новым произведением... Это собственные слова незнакомца.

Скучные любезники особенно часто встречаются между дилетантами и любителями художеств. На сто из них вряд ли найдутся трое, которые в самом деле любят искусство бескорыстно; остальные любят только вертеться в тени, бросаемой жрецами искусства. Едва выступит какое-нибудь имя, – они летят к нему, как ночные бабочки к огню. Артисты, большей частью, народ капризный и взыскательный; чтобы держаться в их обществе, надо по крайней мере быть любезным; и вот, носясь за художником как мелкорыбица за акулой, дилетант вертит хвостиком во все стороны, устиляет его путь бледными цветами жиденького своего красноречия, воскуривает фимиам⁴, расточает похвалы, превозносит до небес каждое его слово, изумляется и приходит в восхищение от каждой мысли.

Некоторые артисты не находят таких людей скучными (я

---

⁴ благовоние.

уже говорил вам, что скучный человек – существо относительное); другие избегают любезника, как заразу.

Коснувшись *дилетантов-любезников*, несправедливо, даже неделикатно было бы оставить без внимания особь прекрасного пола. Дамы так любезны! По положению своему, дамы не могут преследовать артистов с тою настойчивостью, как мужчины (бывают случаи, но это исключение). Вообще говоря, дамский пол чувствует сильное инстинктивное влечение к искусству вообще и знаменитостям всякого рода в особенности (Боже мой! один Марио сколько выслушал любезностей! до сих пор, я думаю, он очнуться еще не может).

Но здесь собственно речь о дамах, которых не столько увлекает любовь к искусству, не столько пленяет личность самого артиста, сколько томит желание посидеть tête-à-tête⁵ с знаменитостью и побеседовать с умным человеком.

Вас неоднократно звали в дом; хозяйка дома, через своих друзей и знакомых, давно изъявляла желание видеть вас в своей гостиной. Вы являетесь. Хозяйка дома по большей части дама средних лет. Она предлагает вам стул подле себя; вы садитесь. После обычных общеупотребительных фраз, начинается разговор об искусстве; вы артист, нельзя же иначе!

– Вы вероятно, больше всего любите литературу... не правда ли?... говорит дама, обворожительно улыбаясь и слегка прищуривая глазки.

– Да, сударыня, литература, – мой предмет...

---

⁵ наедине (франц.).

– Да, литература! да! это такое благородное искусство! C'est si agréable! ça élève l'âme!⁶... Донизетти... Бетховен... Варламов... У меня племянник, который... Да, музыка! вы, конечно, любите музыку?...

– Очень!

– Не правда ли?... Ну.... ну, а живопись? c'est si agréable la peinture! n'est ce pas?⁷ Рафаэль... Айвазовский.... c'est si beau!⁸...

– О, конечно!

– Да, не правда ли?... Но ведь и скульптура также... Это искусство, которое... n'est ce pas?⁹... Микеланджело... Пимеонов...

И так далее.

Перейдем теперь к *восторженным*.

Вы спрашиваете: «Кто эта дама?» – «Очень милая женщина» отвечают вам: – «но только ужасно как *éxaltée*¹⁰, – чересчур уж восторженна!»

Часто вот это что значит: у дамы огня или восторженности на пятнадцать копеек; но она хочет убедить вас, что у нее того и другого на сто рублей.

Такая дама неоспоримо принадлежит к категории скуч-

---

⁶ Это так прекрасно! оно возвышает душу! (франц.)

⁷ живопись так прекрасна! не правда ли? (франц.).

⁸ это так красиво! (франц.).

⁹ не правда ли? (франц.).

¹⁰ возвышенна (франц.).

ных.

Вы говорите самую обыкновенную вещь; говорите, например, что угнетение возмутительно; дама делает прыжок, судорожно схватывает вашу руку и восклицает: «благодарю вас! о, благодарю!.. Я в вас не ошиблась!.. я знала, что вы благородно думаете! всегда знала!.. уверена была в этом!.. Да, угнетение, – это ужасно! это возмутительно, чудовищно! омерзительно!..» затем следует новый прыжок и новое пожатие руки.

Иногда впрочем, искренняя, неподдельная восторженность также скучна и утомительна, как и искусственная. Говорите вы о Короле Лир, – дама или барышня мечется, как пифия на треножнике¹¹; читаете им стишки Мерзлякова: «ах, как мило! Charmant!¹² Прелесть!..» Показываете картину знаменитого мастера: «превосходно! обворожительно! удивительно!» Развертываете литографию с изображением собачки: «мило! délicieux!¹³ прелесть!» Впрочем, с дамами и барышнями, – особенно хорошенькими, – редко бывает скучно; приходя в восторг (искусственно или естественно), они оживляются и кажутся тогда еще милее; вы любуетесь ими и это служит вам развлечением от скуки.

---

¹¹ Пифия – жрица-предсказательница в храме Аполлона в Дельфах. Вещала сидя на золотом треножнике, установленном около трещины в земле в нижних помещениях храма.

¹² Прелесть! (франц.)

¹³ восхитительно! (франц.).

Но скажите на милость, что делать с каким-нибудь толстым господином или чахоточным юношей, который тормозит вас, дергает и вертит во все стороны, стараясь обратить внимание ваше на закат солнца или блеск месяца в воде? Куда деваться от тех господ, которые в клубе, в театре, и на гуляньях, кидаются вам на шею, осыпают вас звонкими поцелуями и с какою-то напыщенной торжественностью благодарят судьбу, доставившую им счастье встретиться с вами?

В отношении к восторженному, можно всегда руководствоваться таким соображением: чем больше выказывает он расположения к эффекту, тем меньше в нем искренности и, следовательно, тем больше шансов для скуки в его обществе. Восторженный всегда подвержен крайностям; у него никогда нет ни в чем середины: или все превосходно, изумительно, невероятно, непостижимо, божественно, очаровательно, – или все скверно, омерзительно и чудовищно гадко! Положиться в чем-нибудь на восторженного или верить ему, – нет возможности. Он подружился с вами, – вы делаетесь образцом человечества; завтра вы ему не понравитесь, – вы превратитесь мгновенно в последнего из смертных! Благословенны сто крат люди, восторженность которых умеряется врожденной робостью. Тут, по крайней мере, дело ограничивается тем, что на вас пучат сверкающие зрачки и тайком, украдкой жмут вам руку, как бы желая сказать: «я вас понял, понял!.. и вполне оцению!..»

Самые опасные из них, опять-таки любители искусств. Бо-

же избави встретиться с таким человеком в концерте, перед изящным зданием или в картинной галерее! Подхватив вас за руку, мечется он от картины к статуе, от статуи к какой-нибудь вазе, все щупает, ко всему прикасается, перебегает из залы в другую, и наконец, утомив донельзя и вас и себя, накричавшись, намахавшись руками и обратив на себя всеобщее внимание, падает он в кресло. Вы думаете, что все кончено, – ничуть не бывало; наблюдая вашего собеседника, вы невольно начнете себя спрашивать: зачем, например упав в кресло, выбрал он именно такое место, которое больше всего на виду? Почему, когда убеждаете вы его уйти, говоря, что надо, наконец, дать отдохнуть нервам, почему оттолкнет он вас рукою и расслабленно трогательным голосом повторяет: «Нет, нет... не уводите меня!.. дайте мне, дайте насмотреться на эту мадонну!.. О, Рафаэль! О, дивный урбинский юноша!.. О, божественный Санцио!¹⁴ – сын добродетельного старца Санти и ученик Пьетро-Вануччи – иначе: вдохновенного Перуджино!..» Зачем все эти фразы и зачем, когда произносит он их, глаза его перебегают от мадонны к толпе, от толпы к мадонне, и вся фигура его силится принять что-то меланхолическое, взволнованное и глубоко потрясенное?...

Не скучно ли все это?...

Но скучные люди из категории весельчаков, все решительно, должны бледнеть и меркнуть перед *болтунами*. Болтуны

---

¹⁴ Рафаэль Санти (итал. Raffaello Sanzio) родом из Урбино.

стоят на первом плане, и никто никогда не собьет их с почетного места.

Постараемся уловить главные оттенки этого семейства, – столько же многочисленного, сколько разнообразного.

Просто болтуны – люди, болтливость которых, ограничиваясь одним предметом, одною темою, разматывается постепенно, как клубок ниток; эти не так еще скучны; но вот другой разряд: это так называемые *стрекозы*. Болтливость последних не останавливается на одной мысли, но идет прыжками, скачет, как стрекоза, или рассыпается как быстрая игра на расстроенном фортепьяно. Пример: «были вы вчера в театре? видели Фанни Эльслер¹⁵?... Отлично! не правда ли? а?... Удивительно! Но надо, однако ж, быть справедливым: хорошо, конечно; удивительно хорошо, – но все не то, что Тальони¹⁶! Нет!.. Тальони – гений, гений первого разбора! Одна есть, была и будет! Помните ли, как она тогда бесновалась? Помните ли, что было за время! Впрочем, и то надо сказать: были мы тогда молоды! адски молоды!.. О, молодость! „О, моя юность! о, моя свежесть!“ как говорит Гоголь!.. Кстати: сейчас заходил к Базунову; видел последнее издание Гоголя: не скажу, чтобы понравилось; вообще, что касается до изданий, у нас пока еще... Вот и Г. говорит то же; я с ним вчера встретился... Каков, однако ж, уж полковник! а?... Счастливо служить! необыкновенно счаст-

---

¹⁵ Фанни Эльслер (1810–1884) австрийская балерина.

¹⁶ Мария Тальони (1804–1884) итальянская балерина.

ливо! Брат его, Пьер, служивший по штатской службе, до сих пор только коллежский ассессор!.. Впрочем, сам виноват! Предлагали ему тогда отправиться с миссионерами, – отказался! К чему? Зачем? Он много проиграл через это... очень много!.. И, наконец, Китай уже сам по себе чрезвычайно интересен... Теперь эта война... и потом этот вопрос о чайной свободной торговле... Слышали вы что-нибудь об этом вопросе? Любопытно знать, чем все это кончится... Но мы вспоминали молодость, Тальони! Где-то теперь Тальони? Говорят, купила дворец в Венеции... Счастливая! О, Италия! Италия!.. Вы не думаете ехать? Все едут! и мне хочется: не знаю, что удерживает, решительно не знаю! Думаю, всему виною та неподвижность, который все мы, русские, так подвержены... Тяжело как-то расставаться с своими привычками, местами, где родился и вырос... Когда я жил в деревне... У меня деревня в Тамбовской губернии, – тогда, поверите ли...» и т. д.

Приемы болтунов так же разнообразны, как они сами. У каждого болтуна своя метода, свой способ приступить к делу.

Самая обманчивая метода у *болтунов с церемониями*. Такой болтун, ворвавшись к вам в кабинет смело и решительно, скорчивает вдруг испуганную физиономию, становится на цыпочки и бросается назад к двери, со словами:

– Ах, Боже мой! я помешал вам!.. Никогда не прошу себе этого!.. Впрочем, я на секунду... на одну секунду... вы

заняты?...

– Да, немножко...

– Ну, так и есть, я это знал... я только мимоходом... я вам не помешаю...

До сих пор ничего; есть еще надежда освободиться от посетителя: но этим обыкновенно не кончается; вошедший господин просит позволения выкурить папироску, – *одну единственную папироску*. Вы позволяете, – и с той минуты вы пропали! Изъявив согласие на курение папиросы, вы заделали слабую пружину, державшую язык болтуна на привязи; клапан раскрылся, колесо завертелось, и остановится тогда только, когда истребится весь запас вращающей силы.

Бесцеремонный болтун гораздо лучше. Он подлетает на всех парусах, неожиданно поворачивается бортом и разом выстреливает всеми своими орудиями. Лучше даже так называемые *перебойщики* и *торопыги*, которые не дают произнести слова, перебивают вашу фразу и предупреждают мысль. Вы говорите:

– Я был вчера...

– В балете?...

– Нет...

– В опере?

– Нет... в Александрийском театре, давали...

– «Горе от ума»?...

– Да; не скажу, чтобы я остался доволен...

– Гриневой?

– Нет...

– Каратыгиным?

– Нет; общим расположением ролей...

Или:

– Я слышал, будто Кукольник...

– Написал новую драму?

– Нет...

– Едет в Землю Донских казаков?

– Вовсе нет...

– Переменил квартиру?

– Да...

– Я только что хотел сказать об этом!

Рядом с перебойщиками поставим тех, которые спешат выразить сомнение в том, о чем вы вообще даже и не думали.

– Знаете ли, что Бабакин...

– О, это неправда!

– Как неправда?

Да, неправда; я знаю это из верных источников...

– Что ж вы знаете?

– Что он едет за границу!

– Я вовсе не о том: Бабакин сломил себе ногу...

– Ба! это для меня новость!

Примкнем тут же *попугаев*, начинающих болтовню свою повторением того, что вы уже сказали:

– Хороший обед отличная вещь, когда не дорого стоит.

– Да, да, конечно, когда не дорого стоит!

– В Петербурге переменчивая погода...

– О, да! еще бы! ужасно переменчивая погода; этим Петербург отличается; иначе, впрочем... и т. д.

Можете проговорить самый длинный период, можете высказать и уяснить вашу мысль, *попугай* не преминет повторить ваш период, не преминет обойти кругом вашу мысль прежде, чем приступить к изложению собственной.

Трудно встретить также что-нибудь убийственнее болтуна, одаренного большою памятью, читающего сплошь и рядом все, что является в печати, и помнящего все то, что говорили ему от колыбели до вчерашнего дня включительно. Он может найти себе достойного товарища только между болтунами с *загвоздкою*, то есть теми, которых поражает один какой-нибудь случай, мысль, личность, новость или происшествие.

Мозг последних должен представлять подобие греческой губки, которая всосет вдруг то, к чему прикоснется, не оставляя уже места ни для чего другого. Благодаря таким лицам, сколько прекрасных мотивов сделались скучными, сколько стихов приелось, сколько замечательных случаев потеряло интерес.

Болтун с *загвоздкой* ничем особенно не интересуется; его поражают в одинаковой степени новое лицо, открытие, глупый анекдот, важное политическое событие, забавное происшествие, несчастный случай. Как дурень с писаной торбой, носился он повсюду, в свое время, с газом, пароходством,

электрическим освещением, кометой и проч. Приезжает, наконец, Рашель¹⁷ в Петербург, – он все забыл, чему так сильно накануне еще поклонялся; Рашель поглотила его всего; он ни о чем больше не болтает и не помышляет. Где бы вы его ни встретили, он всюду рассказывает анекдоты о знаменитой актрисе, описывает ее парижский отель, сообщает вам имена ее поклонников, декламирует стихи Расина¹⁸ и болтает о Феликсе и о брильянтах сестры его¹⁹. После представления «Полиевкта»²⁰, он бегаёт несколько дней с распростертыми руками, глазами, глупо вздетыми к потолку и повторяет ни к селу ни к городу: «Je crois! je crois!»²¹ Говорите такому человеку об ужасах войны: «да, это ужасно! возражает он: – все остановилось: даже самые театры теперь закрыты!» Касаетесь ли вопроса о крестьянах: «Да, Г. так же думал, как и вы: что же вышло из этого? он совсем разорился; теперь не на что даже взять билет в театр...»

Существуют еще болтуны *безмозглые* или *с осечкою*; это те, которые суются говорить о чем угодно, но никогда не докладывают своей мысли, даже фразы: «– Позвольте, позвольте... оно конечно... но... Позвольте: я не могу объяснить вам

---

¹⁷ Элиза Рашель Феликс (1821–1858) французская актриса.

¹⁸ Жан Батист Расин (1639–1699) французский драматург.

¹⁹ Возможно, речь о немецком композиторе Феликсе Мендельсоне (1809–1847) и произведениях пианистки и композитора Фанни Гензель (1805–1847), его сестры.

²⁰ Пьеса французского драматурга Пьера Корнеля (1606–1684)

²¹ Верю! верю! (франц.)

теперь в чем дело, не могу... но первый раз, как мы встретимся с N*, я непременно заведу речь об этом предмете, – и вы увидите, увидите!!..» или: «О, нет, это совсем не то; позвольте вам сказать: совсем не то; вы несправедливы, потому что... Ах Боже мой, что же я хотел сказать?... Позвольте... сейчас... Да!.. Нет, впрочем... не то... фу, черт возьми, как это неприятно!.. Вот, вот!.. Нет, опять не то... что же такое сделалось со мною?...» Или: «Послушайте! начинает он с горячим убеждением: – послушайте; наш век имеет то преимущество перед другими, что... гм! гм!.. что при существующем развитии умов... гм! гм!.. (легкая осечка), можно надеяться... следует даже непременно надеяться... (жар убеждения заметно охлаждается)... что... если взять в соображение... гм! гм!.. если взять в пример...» (молчание). Пружина, вращавшая колесо, лопнула и колесо остановилось.

Пора впрочем и нам остановиться.

III. Унылые

Унылый человек уже сам по себе не может быть веселым. Он может представлять соединение всех возможных добродетелей, может быть очень умным, ученым и образованным, но даже и в таком случае, не лучше ли ему сидеть дома, одному, или в своем семействе или в тесном кругу знакомых? Стоит только человеку с унынием пуститься в свет, зажечь общественную жизнь, – он, не смотря на весь свой ум и добродетели, легко превращается в «скучного».

Унылые люди бывают *здоровые* и *больные*. Первые меньше скучны. Они, по большей части, занимают в обществе роль пассивную: придут, сядут, молчат, пыжуются, вперяют на все и на всех грустный взгляд и вздыхают более или менее выразительно. Вторые решительно невыносимы!

Встречаясь с человеком посторонним, какое вам дело, скажите на милость, что у него болит печень, расстроены нервы, колет под ложечкой или худо варит желудок? В праве ли он изливать на вас свою желчь, надоедать вам рассказами о своих недугах или выказывать перед вами раздражительность? Часто в оправдание такого человека, вам скажут: «– Он мизантроп, меланхолик или желчный...» Но опять таки, позвольте вас спросить, какое мне дело до всего этого? Сиди он дома, когда так, дома сиди или ступай в больницу...

Нет возможности сортировать *унылых* сообразно с состо-

ниями их здоровья или по степеням и характерам их болезней; мы никогда бы не кончили. Будем брать наобум целыми классами и ограничимся общими чертами.

Для начала возьмем хоть: *самолюбивых и раздражительных*.

Из первого отдела выставим вперед любой субъект. Вы видите: он молод, холост, свеж, имеет состояние и даже не дурен собою; чего еще надо? «Он должен быть совершенно счастлив!» говорите вы. Ничуть не бывало; вам только так кажется. Вступите с ним в разговор. Вы убедитесь, что это существо истинно достойное сострадания: весь он, с головы до ног, представляет одну сплошную рану самолюбия; самолюбие проникло даже в мозг костей его и изъело; самые кости; с какой стороны ни прикоснитесь, его корчит, ему больно и он страдает.

Вы не прочли последнего его фельетона, последней статьи или библиографического замечания, он страдает; прочли, но не говорите о них, страдает; хвалите, – он устремляет на вас подозрительно испытующий взгляд, видит косвенный намек, иронию в самом искреннем суждении, и снова страдает. Вы печатаете о нем статью, сравниваете его с Пушкиным, Лермонтовым, Кольцовым; он сухо благодарит вас; «что с ним?» думаете вы. В списке великих имен, с которыми сравнивали вы его, забыли вы Грибоедова; он недоволен таким пропуском, и страдает.

Имя его помещается в начале объявления, это кажется

ему слишком уж резким, слишком заметным, – страдает. Помещается имя его в середине, недовольно заметно, – страдает. Поместите имя его неумышленно в конце: явный знак пренебрежения к личности и неуважения к таланту, – страдает! Статуэтки его собратьев рисуются на окнах магазинов; его статуэтки не имеется, – Боже, как страдает!

Но в этих корчах раздраженного самолюбия, есть еще смысл по крайней мере; человек этот хоть что-нибудь да сделал; может казаться ему, следовательно, что труд его не оценен по достоинству, что на него мало обращено внимания, и он страдает основывая все-таки на чем-нибудь свои страдания.

Но как назвать людей, которые ровно ничего не сделали, – не написали даже фельетона, и между тем представляют точно так же одну сплошную рану самолюбия?

Вы говорите о вашем сапожнике, им кажется что вы на них намекаете; ничего не говорите, не думаете даже о них, – страдают. Оказываете им важную услугу; прекрасно; они принимают ее с благодарностию; но мысль, что они одолжены именно вами, не дает им покоя, и снова их коробит. Вы женитесь, делаетесь отцом семейства, получаете наследство, добиваетесь места, лишаетесь жены, награждены чином, все это задевает их за живое, и они страдают; короче сказать, не знаешь, с какой стороны приступить!

Но это еще ничего; встречаются особы, которые распространяют свое самолюбие не только на то, когда дело идет о

их коже или личности, но решительно на все, что хотя сколько-нибудь к ним приближается, что входит в круг их жизни, быта и понятий.

С сокрушенным сердцем должен сказать, что в этой категории *скучных людей по преимуществу*, не последнюю роль занимают особы прекрасного пола, – матери семейств, владелицы дач, собственных домов, деревень, – словом имеющие какую-нибудь собственность, – хоть бы даже собственность заключалась в моське. Положим, вы встретились с одной из таких дам. О чем ни заговорите, ей непременно кажется, что вы подпускаете *шпильку*. Дом ее сыр и холоден, – вы говорите о тепле, – даже ничего не говорите, только потираете руками, – шпилька! Дама москвичка; вы говорите с увлечением о Петербурге, – шпилька, и в добавок еще, шпилька, подающая повод к скучному и бесполезному спору. Вы хвалите военную службу, – шпилька: сыновья дамы служат по штатской; хвалите штатскую службу, – дама раздражается: сыновей ее обошли чином. У дамы куча родственников; между ними находятся помещики, чиновники, великие мужи и мелюзга, богатые и бедные, пьяницы и шулера; обдумывайте и взвешивайте каждое ваше слово говоря вообще и о помещичьем сословии, о чиновниках, шулерах и проч. Дача дамы в Сокольниках или на Крестовском, – говорите о Сокольниках и Крестовском как о священных рощах. Дом дамы на Вшивой горке²², – с уважением относитесь об этом переул-

---

²² Раньше так назывался северо-западный склон Таганского холма – одного из

ке; дама переехала на Никольскую, – Никольская делается тотчас же первую улицею столицы. – «Неужто, думаете вы, все, что приближается к этой даме, лучше того, что у других людей? Неужто в самом деле, башмачник, у которого заказывает она башмаки себе и детям, лучше других башмачников? Горничная ее красивее и ловче других? Лошади сытее других лошадей? Дети умнее и воспитаннее других детей? Староста ее честнее и проницательнее других старост? Виды ее деревни краше других видов? Обои ее гостиной привлекательнее других обоев? И неужели даже, вчерашний ее знакомый лучше моего знакомого, которого знаю я десять лет? ...» Непременно все это должно быть лучше! Если б дама могла согласиться спокойно и без раздражения, что то или другое хуже у нее, чем у вас, – она не была бы тогда скучною.

Переход от *самолюбиво-щекотливых* к *раздраженным* так мал, что почти незаметен. Симптомы у них одни и те же. Форма последних несколько разве грубее и в основании их недуга скрывается может быть больше зависти и меньше терпимости, чем в первых.

При всем том, однако ж, если взять самую самолюбивую личность, и противопоставить ей, например, *раздраженного без воспитания*, разница между ними выйдет несоизмеримо огромная. Такому человеку ровно ничего не стоит произвести с особенной интонацией: – «Вы врете!» когда не нравится ему ваша мысль. Вы скромно сознаетесь, что ощущение

ние изящных искусств вам больше по сердцу, чем греческий язык; если только раздраженному нравится греческий язык, и он круглый невежда в деле изящных искусств, – он скажет не обинуясь²³: – «Вы чушь порете! так могут говорить одни неучи!» и проч., и проч. Вам нисколько не легче, когда вам скажут: – «Не сердитесь на него, что *он так*... все это происходит, поверьте, от боли в печени и ревматизма...» Снова повторяю: таким людям место не в обществе, а в больнице.

Существуют еще раздраженные в таком роде: К* (вы это наверно знаете), весь не стоит десяти копеек; между тем, приятели или добрые люди хлопочут за него, отбивают себе пятки в приемных сильных мира сего, и выхлопатывают ему место с восемьюстами рублей серебром жалованья. Не возмутительно ли видеть, что К* продолжает все-таки раздражаться; К* недоволен; страшно недоволен и местом, и товарищами, которые за него хлопотали; он изливает на все и на всех яд желчи, мечет огонь и пламя, осуждает свет в коварстве, людей в злобе и черной неблагодарности. Кроме названия скучного человека, не заслуживает ли еще К* названия грубой скотины? Непременно заслуживает!

Избави вас Бог, почтенный читатель, иметь в числе ваших знакомых или родственников одного из этих *нетерпимых*. Положим, что таковой найдется; подвергните его испытанию, чтобы убедиться, что нет на земле существа более несносного и менее позволительного. Положим, предлагае-

---

²³ без колебаний (устар.).

мая статья пришлась ему не по вкусу; покажите ему только вид, что вы ее читали. Он разберит автора, разберит журнал, достанется даже, ни за что, ни про что, всему русскому книгопечатанию; мало того, сами вы рискуете получить неприятность; он скажет, что одни ограниченные люди могут тратить время на чтение такого вздора, что вы человек без вкуса, без такта, без чутья, и проч. Если такой нетерпимый ваш муж (о, да спасет вас небо от этого, моя милая читательница!), – он, чего доброго, вырвет даже книгу из рук ваших и вышвырнет ее за окно. Хорошо еще, если этим кончится.

Между раздраженными, часто, впрочем, попадаются субъекты, которые, относительно говоря, почти безвредны; то, по большей части, люди очень робкие, не смеющие высказывать своей раздражительности, но тем не менее наводящие невыносимую скуку уже одним своим присутствием и унылой физиономией, которая, заметьте, всегда бывает желтою и всегда странно как-то передергивается.

Другие позволяют себе раздражаться, но не против вас, а только в вашем присутствии, против жены, детей, и чрез то самое ставят вас в безвыходно-фальшивое положение; известно, что в таком положении человек испытывает всегда невыносимую скуку.

Вас позвали обедать. Подают суп; внезапно хозяин дома бросает ложку.

– Это черт знает что такое! восклицает он, обращаясь к жене: ты, душа моя, ни за чем не смотришь... Этот повар

мерзавец!.. я ему надаю пощечин!.. Это, наконец, твое дело смотреть...

– Но, друг мой... возражает сконфуженная хозяйка дома.

– Но, душа моя, вскрикивает муж: – повторяю тебе, это черт знает что такое! Если ты не намерена заниматься хозяйством, так ты скажи лучше... Иначе... это...

И пошла перепалка, от которой у вас каждый кусок колом становится в горле.

Являюсь я однажды в одно семейство; там только что собрались ехать в зверинец; меня приглашают ехать вместе; мы отправились. При входе в зверинец, глава семейства берет на руки младшего сына с тем, чтобы показать ему льва. Ребенок быстро отворачивает голову и начинает трястись всем телом.

– Вот лев, самодовольно говорит отец; – что ж ты не смотришь?... а?...

Ребенок продолжает трястись и отворачивает голову.

– Смотри на льва! я тебе приказываю! Смотри на льва!!.. вскрикивает отец, стараясь повернуть сыну голову.

Ребенок плачет. Я упрашиваю отца оставить ребенка.

– Как! вскрикивает отец: – нет, не будет этого!! Смотри на льва!! Он сын военного, сам будет военным и не должен быть трусом! Смотри на льва!!..

Ребенок заливается ревом. Мать присоединяет свои просьбы к моим.

– Оставь меня! яростно возражает муж: – я знаю, что делаю!! Смотри на льва! я тебе приказываю!! Смотри на

льва!!!..

Тут отец выходит из себя, дергает ребенка за руку, за ногу; ребенок бьется изо всей мочи, мать начинает плакать, остальные дети также; я поставлен посреди всего этого в глупейшее положение и терплю неизъяснимую скуку.

К категории раздраженных следует также отнести людей с крайностями. Все крайние люди большей частью страшно нетерпимы; от нетерпимости один шаг к раздражительности. Г* изучает ассирийские древности; М* занимается преимущественно Кривичами и Радимичами²⁴. Превосходно; предположим теперь, что Г* и М* люди с крайностями; конечно; с их точки зрения, дурак и невежда тот, кто равнодушен к любимым их предметам; перед ассирийскими древностями и Радимичами, – все дичь, чушь и выеденного яйца не стоит!

Коснувшись ученого сословия, мы незаметно перешли к новому отделу унылых: – *унылых с претензией на ученость*.

Тут опять чуть ли не первое место принадлежит дамам и барышням, изучающим греческий язык, политическую экономию, философию, астрономию, и проч. Учиться чему-нибудь очень похвально, и почему ж даме или барышне не предоставить права изучать что угодно? Но дело не в науке; дело в претензии и педантизм, которые наводят всегда на всех адскую скуку.

Разве не скучно с дамой, которая ни о чем знать не хочет, ни о чем больше не говорит, как о Фейербахе, Мальтусе

---

²⁴ восточнославянские племена.

и небесных светилах? – «Ничего, говорите вы, мне это нравится!» Очень хорошо; с вами легко согласиться, когда дама умна в настоящем смысле слова, знает предмет основательно, читала с толком и серьезно. Ну а как Фейербах понимается вкряк и вкось и, главное, является за тем только, чтобы озадачивать ближнего и пускать пыль в глаза?...

Разве не скучно, когда барышня, танцуя с вами кадрили, свертывает поминутно такие фразы: – «*Oui, monsieur, je dirais avec Voltaire – la vie est un songe...*»²⁵²⁶ или: «*Aimez vous la philosophie?...*»²⁷

Разве барышне не скучно с господином, который танцуя с нею мазурку, пыхтит, мучится и страшно потеет, стараясь занять ее глубокомысленными размышлениями и философскими истинами?

Вообще говоря, к разряду *унылых с ученостью* принадлежат без исключения все лица, которые, *во-первых*:

Танцуя кадрили, гуляя с дамами, или сидя в обществе, корчат глубокомысленных и страстно любят проводить такого рода мысли: – «страшно всегда как-то смотреть на череп; вот, думаешь: тут кипели некогда мысли, здесь зарождались поэмы, а теперь?... теперь?...» или: – «Душа содрогается при мысли, что стоит произнести два слова: треп и

---

²⁵ Да, сударь, я согласна с Вольтером: жизнь есть сон... (франц.)

²⁶ «Жизнь есть сон» – пьеса испанского драматурга Педро Кальдерона де ла Барка (1600–1681)

²⁷ Любите ли вы философию?... (франц.)

бубен, – и человек богатый вдруг превращается в нищего!..» или: «Жизнь! что такое жизнь: внешние удовольствия и роскошь; в душе: – горькие сомнения и беспокойства!!..» или: – «Человек, это целый мир... Это существо, которое... которое...» Затем следует обыкновенно грустно задумчивая улыбка; философ наклоняет голову и как бы погружается в самого себя.

Во-вторых: все те, которые чему-нибудь учились, но постоянно терзаются мыслью, что вы сомневаетесь в том, что они что-нибудь знают; преследуемые постоянно такой мыслью, они спешат скреплять каждое ваше слово анекдотом из древней истории, приводят часто ни к селу, ни к городу ученые цитаты и страшно злоупотребляют словами: Цицерон, анахронизм, Буцефал, Муций Сцевола, Абботсфордское аббатство, псевдоним, Гораций Коклес, и проч., и проч.

В-третьих: люди, действительно знающие что-нибудь, но совершенно лишенные находчивости и памяти. – «Позвольте... позвольте...» говорят они, прерывая вас неожиданно, – и вдруг умолкают, высказывая унылое беспокойство; после того, спешат они домой, роются в книгах, отыскивают забытое место, и на другой день, в ту минуту, как вы меньше всего ждете, выстреливают в вас ученой тирадой. К тому же классу причисляется каждый, кто, прочитав дома статью, диссертацию, ученое открытие, является к вам, затрагивает только что прочитанный им вопрос, обнаруживает глупую радость при вашем незнании и передает вам прочитанное как бы в

собственное ваше назидание.

В-четвертых: все мальчики от двенадцати до восемнадцати лет включительно, одаренные каким-нибудь талантом: пишущие стихи, сочиняющие повести, рисующие, и считающие себя почему-то *непонятыми*. Таких юношей является год от году больше и больше; они распложаются как кролики. Дай только Бог, чтобы скука, которую наводят они в юношеских годах, вознаградилась чем-нибудь в зрелом возрасте!

Фразеры. – Под этим названием понимают особь двоякого разбора: *Фиоритуристы* и *Тупицы*.

Фиоритуристы все те, которые никак не могут убедиться, что чем проще и яснее выражается человек, тем лучше. Фразерство, о котором мы говорим, проистекает по большей части из желания прослыть любезным, желанья, соединенного с созданием своей неспособности к любезности, преимущественно в женском обществе. Вы прогуливаетесь в лодке; рулем правит барышня и правит криво и косо: «Сударыня, скажет фиоритурист, вам опасно вверить кормило правления!..» или: «Я не поручил бы вам Балтийского флота, сударыня! Лавируя таким образом, вы умчали бы нас в самый центр эскадры враждебного флота...» Провинция особенно богата фиоритуристами; там слышал я между прочим такую фразу: «Вы едете, сударыня?.. Довольно было впрочем вашего короткого пребывания в местах наших, чтобы построить в сердцах любящих вас людей храм вечных воспоминаний!..» и т. д.

Тупицы – лица, окончательно обиженные природой, отчаянно глупые, повторяющие общие места и говорящие то, что все уже давно знают: «Сегодня пятнадцатое число, через две недели будет первое!» – «Петр Великий гений!» – «Я люблю то, что хорошо!» – «Мужчины не женщины!» – «Железная дорога отличное изобретение!» – «В Петербурге можно все достать за деньги...» – «вообще говоря: болезнь скверная вещь!» – «Кто же не имеет недостатков?» – «Зимой всегда холодно!» – «Сегодня пятница, завтра суббота!» и т. д. Тупица любит иногда пофилософствовать; он ввертывает тогда подобного рода размышления: «Люди как рыбы, большие поедают маленьких...» Иногда тупица пускается в остроумие и любезность. Он собирает каламбуры, остроты, анекдоты, водевильные куплеты; водевили Александрийского театра доставляют ему большую часть его материала; он повторяет на каждом шагу выражения: – «Как сказал один д-р-р-р-ревний воин!» – «Я ехал на лодке Невой... Не вой, братец, не вой!» или каждое слово скрепляет словами: – «Ну и кончено! ну конечно!» или задает вам вопрос: – «Что лучше стакана пунша?» и сам спешит ответить: – «Два стакана пунша!» и тому подобное.

К тупицам принадлежат также люди, которые, прожив с человеком десять лет, ничего больше не в состоянии сказать о нем как: – «Да, он прекрасный человек!» или: «Да, у него неприятный характер!» Также те, которые, находясь с вами в вагоне, поясняют: – «Приехали обедать», когда прие-

хали обедать; – «машина поехала!» когда поехала; – «машина остановилась!» когда остановилась; и т. д.

Если на похоронах подойдет к вам господин или дама и скажут с унылым видом: – «Что ж делать! все мы смертны!..» или: «как быть! никто не минует этого!..» или: – «Что ж делать! все мы там будет!..» почти наверняка заключайте, что к вам подходили тупицы.

Перейдем теперь к *меланхоликам*. Меланхолик – который сознает, что он скучен и потому избегает общества, не может иметь места в этой статье, исключительно посвященной лицам, навязывающим себя и всякому жестоко надоедающим.

Здесь, следовательно, идет речь о меланхоликах другого разбора. К вам является господин очень чисто одетый, очень скромного, тихого вида; он вяло раскланивается, вяло опускается в кресло, начинает вертеть шляпу между коленями и молчит; молчит час, другой, третий, изредка разве, и то весьма лаконически, отвечая на вопросы и скрепляя слова свои грустной улыбкой. – «Что с вами, спрашиваете вы: – вы нездоровы?...» – «Нет-с, ничего... я так!..» – и снова молчание. На другой день господин снова является, снова садится в кресло и снова молчит; на третий день тоже. – «Что за черт! думаете вы: – чего же ему от меня надо?...» Ему ничего от вас не надо; но вам его представили, вы случайно с ним познакомились, и он считает своим долгом посещать вас, посидеть час-другой на вашем кресле. Быть может кресло ему понравилось, быть может, вы сами; меланхолик никому не

говорит об этом. Как только меланхолик пускается в объяснения, он получает название *плаксы*. – «Боже мой, что с вами?!..» восклицаете вы, пораженные глубоким унынием, написанным в чертах N*. – «Ничего, возражает протяжно заунывным голосом N*: – ничего... так, знаете ли... грустно как-то!..» – «Но отчего же грустно?» – «Так, знаете ли... Когда посмотришь на жизнь... подумаешь обо всем этом...» – «Ну так что ж?» – «Невольно уже тогда как-то грустно делается...» Другого объяснения не ждите. Замечательнее всего, что плаксы-меланхолики посещают всевозможные гулянья, собрания, театры; вы всегда найдете их там, где происходит веселье; какая у них цель при этом – неизвестно. Встретьте плаксу на иллюминации; заметьте ему, что лицо его кажется вам унылым, расстроенным и спросите, почему так? – «Чему же веселиться? возразит он. – Боже мой, неужто вы веселы! Подумайте только! сколько все эти шкалики²⁸, вся эта иллюминация стоит денег! сколько труда! суета!.. и к чему все это?... К чему!.. Для одного мига! для одного часа!..» В саду на Минеральных водах плакса прогуливается, как бы замышляя самоубийство: «Чему беснуется вся эта толпа? говорит он, распуская нюни: – взгляните, стеклась она сюда со всех концов Петербурга; суетится, скачет, прыгает... Что могло привлечь ее сюда? Что?...» – «Но сами-то вы зачем приехали?» – «Так, знаете ли, грустно как-то было... взял да и поехал...» Плакса не пропускает ни одной аллеи пуб-

---

²⁸ фонарики.

личного сада, ни одного закоулка; он останавливается перед каждым балаганом, каждым зрелищем, каждым оркестром; но лицо его остается неизменно расстроенным и как бы всегда сказать хочет: – «Боже, что за пустота! и это называется *у них* весельем!!...»

Говоря о скучных людях из породы плаксивых, мы не ошибемся, кажется, если присоединим к ним *мнимых больных*, людей, наводящих нестерпимую скуку жалобами о своем животе, колотьях и нервическом расстройстве.

Мнимый больной тот же лгун, но только лгун с убеждением; лгун тем более несносный, что предмет его лжи уже сам по себе не имеет ничего занимательного. И наконец, какое вам дело до его убеждений? – вы их не разделяете; питаете даже в душе вашей твердую уверенность, что они ни на чем не основаны. Но жалобы мнимого больного занимают может быть последнюю роль в той скуке, которую он на вас наводит. Нет существа более пристрастного, более близорукого в отношении к самому себе, как мнимый больной; ничтожнейшему из них кажется непременно, что внимание целого мира должно быть устремлено на его печень и легкие; он возмущается, когда не падаете вы в кресло и не приходите в ужас, слушая рассказ о колотье в боку, или остаетесь равнодушны при известии, что он дурно спал вчерашнюю ночь. Вместе с тем, мнимый больной сам приходит в ужас и падает в кресло, когда делаете вы замечание о цвете его лица, прыщик на носу и тому подобное. Скучнее всего, что мнимый больной

жалуется всегда почти на ту часть своего организма, которая более всего здорова.

Один жалуется на боль и слабость в ногах, говорит, что не может иначе прогуливаться, как в карете; а между тем, смотришь, он ежедневно делает десять верст бегая вокруг бильярда. У другого ежедневно являются припадки холеры; он вечно в какой-то тревоге, вечно рассказывает историю о том, что желудок его не варит вот уже скоро пять лет; а между тем, не видали вы еще человека, который так страшно пугал бы вас своим обжорством: за завтраком съедает он две котлетки, фунт сливочного масла и полную тарелку жареных грибов!

Верьте им после этого и не смейтесь над ними!

Между плаксами и меланхоликами остается еще большой пробел: мы ничего не сказали о *мнительных канючках, попрошайках, постных рожках*, и еще многих других; но всего не усмотришь, не перескажешь. Перейдем к *чувствительным и сентиментальным*.

Все чувствительные и сентиментальные, по большей части, добрейшие люди; они одарены прекраснейшим сердцем и мягкою, нежною душою; но чувствительность, точно так же как и мечтательность, хороша и безвредна, в смысле скуки, тогда только, когда не переходит за предел. «От прекрасного до комического, или, пожалуй, до несносного один шаг.»

Скучных чувствительных людей можно разделить на два главные разряда: на *счастливых и несчастливых*; потом яв-

ляются еще подразделения: *липкие* чувствительные люди и *смиранные*.

Липкими принято называть смертных обоюго пола, которым свойственно внезапно полюбить встречного и поперечного и прилипнуть к нему сразу всем сердцем, всей душой и всеми своими чувствами. Название *липких* основано, впрочем, на том, я полагаю, что руки особ этого разбора сохраняют постоянно какое-то влажное, липкое свойство; по всем вероятностям, такое свойство дается природой нарочно с тою целью, чтобы отличить их от других людей. А, впрочем, не знаю; известно мне только то, что когда *липкий* счастлив, влажность рук его несравненно меньше чувствуется; это потому, может быть, что он реже тогда жмет вашу руку. Липкий любит предаваться мечтаниям, любит припоминать минуту, час и мельчайшие обстоятельства, при которых он с вами познакомился; любит звать вас к себе, сажает вас между женою и детьми (и всегда на самом лучшем и мягком месте), и дает вам почувствовать, что считает вас не иначе, как членом своего семейства. Вы говорите, что думаете ехать за границу или желали бы сделать кругосветное путешествие: «Да, возражает он; – я сам мечтаю об этом! К несчастью, обстоятельства не позволяют мне осуществить любезнейшей мечты моей; а то, как бы хорошо было! Мы поехали бы вместе! Вместе бродили бы всюду... вместе бы наслаждались!.. вместе делили бы бури и опасности... Не правда ли, как это было бы приятно!..»

Сентиментальный человек, который недоволен судьбою, хандрит или чувствует себя несчастным, еще прилипчивее, и, следовательно, еще скучнее. Сделавшись предметом его дружбы или расположения, вы превращаетесь в жалкую жертву. Вы садитесь за стол, он садится рядом; перешли после обеда на диван, он располагается у вас под боком; идете к окну или гулять, – и он за вами. В первый же час вашего знакомства, он легкими намеками объяснит вам, как несчастлив он в своем семействе; как постоянно сокрушает его мысль, зачем он женился, и проч. Вздохи и знаки нетерпения, которые выказываете вы при этом, объясняет он участием к себе; он думает, что нашел, наконец, сострадательную душу, нашел истинно доброе, благородное сердце, способное понимать горести ближнего и сильно ему сочувствующее. Вы, между тем, по мере того, как усиливаются излияния, вы ясно начинаете понимать, почему жена покинула его, почему друзья его проходят по улице и стараются не узнавать его.

Приведем теперь образчик *смиренного-сентиментального*.

Вы случайно встретились с товарищем детства или знакомым, которого не видали несколько лет.

– Здравствуй, братец, говорит он робким нерешительным голосом.

– А, здравствуй!..

– Ты не узнаешь меня?... присовокупляет он, протягивая вам руку с таким видом, как будто не совсем еще уверен,

хотите ли вы взять ее или нет: – может быть, ты не хочешь узнать меня?...

– Помилуй, что за странная мысль!..

– Отчего же?... старых друзей всегда забывают...

– Нисколько!

– Ну, благодарю тебя... а я уж думал, что не хочешь узнать меня... Мы часто о тебе вспоминаем... мы не забываем старых приятелей... Приезжай-ка к нам в Бобруйск...

Вы приглашаете такого человека обедать, он отвечает, потупляя глаза: «Благодарю тебя; нет; я себя знаю... зачем я вам? я слишком скучный, печальный собеседник... Я только всем вам помешаю...» Зовете его на вечер, где будут читать стихи, играть на фортепиано или петь, – он отвечает: «Благодарю вас; – но зачем же? к чему? что я буду там делать?... я слишком незаметный человек, чтобы принимать участие в таком блистательном собрании... там все большею частью умные, известные люди... но что же я такое?... нет, я буду лишним!...» Приглашаете его на дачу или прогулку: «Нет, благодарю... искренно, душевно благодарю. Для таких прогулок... словом, чтобы быть в обществе, нужна веселость, любезность... у меня нет этого... я буду скучен и наведу только скуку на все общество...» и т. д.

В основании такой скромности лежит, очень часто, толстый слой самолюбия... Но предоставим охотникам до анализа и психологам отыскивать и определять причины, приводящие в действие пружины человеческой природы. Огра-

ничиваясь одними внешними наблюдениями, мы зашли и без того уже чуть ли не слишком далеко...

Впрочем, исследование наше почти кончено. Остается сказать несколько слов о людях без чутья, которых нарочно берегли мы для заключения.

Начать с того, что к этой категории принадлежат без исключения все скучные люди.

Скучный человек потому ведь только и скучен, что нет у него чутья. Одного чутья, конечно, не достаточно, чтобы быть любезным и занимательным, но совершенно довольно, чтобы не быть скучным.

Чутьем, в том смысле, как мы его здесь принимаем, называется тонкая способность понимать и чувствовать, когда надо говорить и сколько именно; где надо замолчать, действовать и бездействовать, и в какой именно мере делать то и другое.

Ясно, следовательно, что существо, одаренное чутьем, ни в каком случае не может быть скучным. Чутье скажет ему, когда следует укоротить порыв веселости, чтобы не пересолить; скажет, где остановиться на пути сердечных излиятий, чтобы не наскучить; словом, укажет ему ту почти неуловимую границу, которая разделяет скуку от занимательности.

Убийственнее всего, что чутье это не имеет ничего общего с умом, познаниями, характером и даже нравственными добродетелями! Чутье беспристрастно как счастье, как фортуна; надо думать, ходит оно также с завязанными глазами и

часто попадает туда, где его вовсе не ждали.

Что же удивительного после того, если иногда ограниченный человек сноснее умного, унылый приятнее веселого, ученый скучнее неуча, и т. д.

Вся тайна в присутствии или отсутствии чутья, которое заключает в себе, собственно говоря, весь смысл, всю мораль предполагаемого исследования.

Больше, кажется, сказать нечего, кроме того разве, что в огромной семье скучных людей существуют еще скучные писатели... Об образчике таких писателей, сколько заметно по вашим глазам, спущенным на эту страницу, вы, кажется, имеете уже некоторое понятие... Спешу поставить точку.